

A woman with long, wavy brown hair and light-colored eyes is looking directly at the camera. A large black crow is perched on her right shoulder, with its wings partially spread. The background is a blurred, overcast outdoor scene.

Елена Касаткина

ВДОВИЙ ПОЛОГ

Елена Касаткина

Вдовий полог

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69585856
ISBN 9785006048652*

Аннотация

Она просто хотела быть заботливой женой и хорошей матерью. Но у судьбы на неё другие планы. Странная штука – жизнь. У одного всё как по маслу, а другому столько бед достанется, что на нескольких хватило бы с лихвой. Вот и ей досталось столько, что большой ложкой черпай. Говорят, бог даёт человеку столько страданий, сколько он может вынести. Значит, она выдержит.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	32
Глава четвёртая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вдовий поллог

Елена Касаткина

Мир не такой добрый, как нам кажется.

Корректор Галина Владимировна Субота

© Елена Касаткина, 2024

ISBN 978-5-0060-4865-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Зеленые стены разъедали истощённый гипоксией мозг. Лада закрыла глаза, но легче не стало.

– Эй, – кто-то тряс её за плечо. – Живая?

Ещё полгода назад это могло показаться глупой шуткой, но какие шутки, когда смертельный исход среди заболевших коронавирусом уже исчислялся сотнями, а может и тысячами. Она плохо понимала, сколько прошло времени с того момента, как её увезла «Скорая». Дома остался умирающего от рака муж. Лада вообще мало что понимала сейчас. Никогда в своей жизни ничего ужаснее она не чувствовала. Разве мы задумываемся над тем, какое это счастье – просто дышать. Просто дышать. Мы этого не замечаем.

Она открыла глаза.

– Давай, держись за меня, я пересажу тебя в кресло.

Лада бросила беглый взгляд на сумку у стены, там всё, что она успела собрать, и на лежащий на коленях прибор. Он позволял дышать, и если оставить сумку она могла, то этот ящик с трубками был для неё спасением. Лада прижала одной рукой прибор к животу, другой вцепилась в костюм санитара. Он пересадил её в кресло и покатил по коридору.

«Я инвалид», – горько подумала Лада, слушая гулкий стук кресла о кафель.

Когда они приблизились к стеклянной, разделяющей ко-

ридор на сектора перегорожке, из внутреннего отделения выкатилась металлическая тележка. Два одинаковых, похожих на инопланетян санитара, упакованных в герметичные белые костюмы, резко развернули каталку, и рука того, кто на ней лежал, безжизненно и как-то обреченно вывалилась и повисла. Лада сразу определила, что рука женская, хотя на ней не было маникюра, а сморщенная временем кожа была усеяна пигментными пятнами. Пока тележка приближалась, Лада всматривалась в руку, словно пыталась понять – жив тот, кто там или нет. Каталка наезжала, дребезжала, грохотала, и когда поравнялась с ней, Лада, вытянув шею, заглянула на тележку.

– Ида... – прохрипела осипшим голосом.

«Идка, Идка, Идка» – сливаясь с грохотом неслось вслед удаляющимся санитарам до тех пор, пока кресло не скрылось за стеклянной дверью.

Часть первая

Глава первая

– Потому что ты дура! – стукнув по столу банкой сгущённого молока, гаркнула низким сопрано Одиллия Ивановна.

Из раскрытой сумки вкусно пахло копчёностями, вызывая у Иды обильное слюноотделение. Бросив оскорбление, тётка выудила из «рога изобилия» палку сырокопчёной колбасы и положила рядом со сгущёнкой.

– Зачем ты так, Дилля? – тихо, словно соглашаясь, пролепетала мать, поглаживая сухой ладонью накрахмаленную скатерть.

– Скажешь, неправа? – Тётка снова опустила руку в сумку и замерла. Её гладкое, будто вощёное, лицо выжидательно застыло.

Ида затаила дыхание. Казалось, от того согласится мать или возмутится, сейчас зависело достанет тётя Дилля очередную вкусняшку или застегнёт сумку и удалится, оставив Иду с риском лопнуть от любопытства и досады. В душе боролись чувства: с одной стороны – жалости и обиды за мать, с другой – жгучего желания поскорей отведать городские вкусности.

Одиллия Ивановна работала в сфере общепита. Неча-

стые наезды к сестре компенсировались более чем щедрыми, а главное дефицитными гостинцами. Мать в шутку называла тётку «Обилия Ивановна». В ответ тётка, апеллируя к своей устроенности и «умению жить», считала, что это даёт ей право поучать и даже, пусть и беззлобно, оскорблять старшую сестру.

Не дождавшись ответа, тётя Дилля извлекла на свет коробку «Птичьего молока».

– Молчишь? Значит согласна. – Тётка посмотрела на Иду и снова на сестру. – Вот скажи мне, куда ты их столько нарожала? Зачем тебе такой выводок? Зачем, Детта?

В ответ мать лишь вздохнула. Не горько. Просто она любила вздыхать, без всякой причины. Привычка.

Они такие разные. Будто и не родные вовсе. Аполлинария Марковна, бабушка Иды, большая оригиналка и любительница балета, дала народившимся девочкам необычные для того времени имена. А как иначе, если вся история появления на свет двойняшек сама по себе была оригинальной. Необычным в ней было всё. Да что там необычным? Невероятным! Одетта родилась недоношенной, на два месяца раньше сестры. Да, да! На два месяца! У Аполлинарии Марковны была редкая анатомическая особенность – удвоенная матка. Пока врачи боролись за жизнь и выхаживали недоношенного первенца, Одиллия преспокойно отсиделась в животе у матери и появилась на свет аккурат к Новому году вполне себе жизнеспособным ребёнком. Маленькую грушевидную го-

ловку Одетты словно золотистым нимбом увивали жиденькие волосёнки. Голова Одиллии, правильной овальной формы, была полностью покрыта чёрными, как смоль, волосами. Несмотря на то, что со временем светлые волосы Одетты потемнели, а выжженная пергидролем шевелюра Одиллии превратилась в одуванчик в пору цветения, а может и благодаря этому, сёстры так и остались полной противоположностью.

К 35 годам Одетта успела выйти замуж, родить четверых детей, похоронить мужа. Из средств к существованию имела пенсию по утере кормильца и выплаты на детей.

К тем же 35, Одиллия также успела сходить замуж, правда ненадолго, всего на восемь месяцев, после чего благополучно развелась с «бесполезным мужем». Восьми месяцев ей с лихвой хватило, чтобы понять – больше в «замуж» она не ногой. Детей у Одиллии Ивановны не было. Не завела. Слава богу, хватило ума. Зато у неё были: кооперативная квартира, хорошая должность и уверенность в завтрашнем дне.

– Так они же Богом данные, Диллечка, – запоздало оправдывалась мать, расставляя на столе тарелки. – А не будь их, с кем бы я осталась? Одна? Как ты?

– А что плохого?! – Одиллия пригладила наманикюренными пальцами короткую модельную стрижку. Из-под высокой желтокурой «шапочки» торчали короткие отростки чёрных волос.

– А что хорошего? Разве ж одной ладно? Тоскливо ведь,

Диллечка, признайся. – Мать достала из буфета огромный нож, деревянную доску и стала пилить тонкую сморщенную палку «сухой» колбасы. – Господи! Из чего только её делают? Впору пилу доставать.

– Давай я! – Дилля отобрала у сестры нож и принялась резать колбасу на кругляшки. – Одиночество, сестрёнка, это свобода. «Хочу – чай пью, хочу – на транзисторе играю».

– Одиночество – это ненужность. А что может быть страшнее ненужности?

– Ой, не говори ерунду! Любая нужность – это зависимость. Привязанность, понимаешь?

– Нет, – мать поставила на стол стаканы. – Не понимаю и никогда не пойму. – Обернулась на Иду. – Сходи в погреб, доченька, набери там рыжиков и капустки квашеной. И огурцов солёных.

Когда дочь скрылась за дверью, Одетта нырнула в буфет и вытащила оттуда бутыль самогона.

– Ну что, по маленькой?

– А давай.

Одетта плеснула в стаканы немного мутной жидкости.

– Давай за встречу. – Приподняла стакан. – Вот, правда, не согласная я с тобой, и ругаешь ты меня каждый раз, и душой называешь, а я всё равно тебе рада, потому как сестра ты мне единоутробная.

Сёстры чокнулись и быстро опрокинули по стаканчику. Горячая жидкость обожгла внутренности. Одетта прижала

нос к тыльной стороне ладони и глубоко вдохнула. Одилия закинула в рот кружок колбасы и усиленно заскрипела челюстью.

– Ох, хорошо! Наливай ещё!

– Да подожди ты, сейчас картошку подогрею, а то под твою закуску быстро захмелеем. – Вслед за сестрой Одетта положила кружок колбасы в рот и зачавкала. – Деревянная она, что ли?

– Сухая! – поправила Дилля и глупо хихикнула.

Словно эхом хихикнула и Детта.

Вернувшаяся с рыжиками и капустой Ида застала сестёр, захлёбывающихся смехом. Смех – вот что было одинаковым. Обе смеялись громко, навзрыд, задушевно и простосердечно, и в этот момент становились похожи. Похожи на бабушку – Аполлинарию Марковну.

Появление Иды помогло обоим успокоиться.

– Клади на стол. – Мать вытерла слёзы и раздвинула тарелки, высвобождая место под керамическое блюдо с разносолами. – И давай, малышей кликни, есть пора.

– Не пойдут ведь, они там из песка крепость выстроили, теперь их оттуда не выманишь. – Ида косилась на красиво разложенные по тарелке кружки колбасы.

– А ты скажи, что тётя Дилля им конфетки привезла. – Мать кивнула на «Птичье молоко».

– Ладно, – насупилась Ида и нехотя направилась к двери.

– Только заставь их руки вымыть, да проверь, чтоб с мы-

лом.

– Ладно.

Когда дверь за Идой закрылась, Одиллия полезла в сумку и достала пачку сигарет.

– Я закурю? – спросила, чиркая зажигалкой.

– Ты что? Сейчас же дети придут.

– Я проветрю! – Дилля подошла к окну и потянулась к форточке, но на полдороге застыла, заметив во дворе фигуру незнакомого мужчины. – А это что за коротышка? Ухажёр твой?

– Какой ещё ухажёр? – Детта подошла к сестре и глянула в окно.

По дорожке к дому переваливаясь, словно в каждой руке у него по ведру с водой, шлёпал на кривоватых ножках сосед Петька Баранов.

– Ах, ты ж боже мой! – ругнулась в сторону коротышки Одетта. – Ведь прётся, козёл старый!

– Какой же он старый? – приподняла выщипанную в коромысло бровь Одиллия. – На вид не больше сорока. Просто ростом не вышел... – бровь медленно опустилась. – Хотя это, конечно, не отменяет того, что он козёл.

Уставившись в окно, сёстры наблюдали, как нескладный Баранов, поравнявшись с Идой, что-то быстро и коротко произнёс. Девочка отпрянула, словно её ударили и побежала. Баранов остановился и долго смотрел ей вслед. После чего вновь двинулся в сторону дома.

– Чтоб тебя... – прошептала Одетта.

– Что он ей сказал? – хмурясь, спросила Дилля.

– Кто ж его знает. Какую-то гадость. Противный мужик.

С него станется.

«Противный мужик» в дом входить не стал, увидев в окне голову Одетты, прошлёпал напрямиком к окну.

– Здоро'во, соседка! – Голос у коротышки был не менее противный. Такой же корявый и хамоватый, как и сам Баранов. – В дом пустишь, или через окно говорить будем?

– Так не о чем нам разговаривать, Пётр Денисович. Ты б мимо шёл, раз идёшь.

– А я к тебе и шёл. Вроде как в прошлый наш разговор мы договориться не успели.

– А я с тобой и не договаривалась. И не договоримся мы. Иди по добру по здорову. Скажи спасибо, что муж мой не дожил, а то бы он тебе ноги переломал.

– Так не дожил... – растянул рот в улыбке Баранов. – Потому и предлагаю... И тебе легче будет и...

– Слышь, мужик, – отодвинув сестру, крикнула в форточку Дилля. – Видать твои ноги уже кто-то другой переломал. Сказано тебе – проваливай, нечего тут...

– Ой, ну всё... – отступил Баранов. – Ушёл, ушёл. В следующий раз поговорим. А ты, Одя, подумай!

Кривые ножки зашлёпали обратно, топча сандалиями рыжеголовые бархатцы.

– Ох! – вздохнула Одетта и опустилась на табуретку.

– Чего ему надо от тебя? – Дилля чиркнула зажигалкой и наконец закурила тонкую сигарету. По кухне разлился запах ментола.

– Ираиду.

– Иду? В смысле? – Дилля выпустила в форточку тонкую струйку сизого дыма.

– Отдай, говорит, мне Иду, у тебя их вон сколько ещё.

Дилля пошарила глазами по кухне в поисках пепельницы. Выудив из мойки полулитровую банку, стряхнула в неё пепел.

– У него что, своих детей нет?

– Нет, откуда. Не женатый он.

– Тогда зачем?... – Дилля прищурила карие глаза. – Подожди, он что...

Произнести вслух нагрянувшую догадку даже ей, циничной городской даме, оказалось затруднительным. Она наклонилась к сестре и внимательно посмотрела в такие же карие глаза.

– Не хочешь же ты сказать, что он это...

– Да чёрт его знает, – пожала плечами Детта. – Как тут определишь, он год назад сюда переехал, агроном, один живёт. Общительный вроде, но о себе ничего не рассказывает. Где и как жил до этого – неизвестно. А тут вдруг пришёл и говорит: «отдай мне дочь». Я и не поняла сразу. А он: мне, говорит, нужна помощница по дому. Будет у меня жить на правах хозяйки. Тут я и почувствовала дурной запах.

Понимаешь, о чём я?

– Ага. Гнильцой от него за версту несёт. Мне он сразу не понравился.

– Я вроде чувствую, но как-то не верится. Что значит на правах хозяйки, спрашиваю. Ты мужик холостой, тебе жениться надо. И так остороженько намекаю: на ровеснице. Вот и будет тебе хозяйка.

– А он?

– Ты, говорит, меня не учи. Сама подумай. Тебе одной с четырьмя детьми не прожить. Девчонка растёт, в самую пору входит, ей питание хорошее нужно, опять же платица красивые, туфельки, а с тобой ей этого не видать. У тебя она так и будет в перелицованном, да перешитом ходить.

– Брр... – тряхнула головой Дилля так, что пепел с сигареты просыпался на стол. – Ей же десять всего?

– Тринадцать.

Стукнула дверь, и в коридоре послышались перебивающие друг друга голоса детей. Минут пять что-то бряцало, падало и звенело, сопровождаемое смехом и криками, потом послышался звук льющейся воды и снова смех и крики, наконец дверь в кухню раскрылась и ввалился «выводок».

Началась кутерьма. Дети галдели, рассаживались по табуретам, толкались, гремели тарелками и ложками, звякали стаканами, хрустели огурцами, чавкали колбасой, давились картошкой и делили конфеты. От всей этой возни у Дилли голова пошла кругом хуже, чем от самогона.

Голова встала на место только, когда гостинцы были полностью подъедены, и довольная детвора разбежалась по своим постелям. В кухне установилась относительная тишина, перебиваемая лишь шумом бегущей из крана воды и бряцанием посуды. Подперев одной рукой голову, Одиллия внимательно следила за спорными движениями племянницы. Руки Иды мелькали над раковиной со скоростью профессиональной посудомойки. Выхватив чашку или тарелку, девочка быстро намыливала её пенистой губкой, тёрла до скрипа, споласкивала и укладывала на расстеленное по буфету вафельное полотенце. При этом лицо Иды не выражало ни отвращения, ни раздражения. Наоборот, казалось, что домашние хлопоты доставляют ей неподдельное удовольствие. В эту минуту она становилась очень похожа на свою мать: такой же мягкий взгляд, такие же приподнятые у переносицы сгустки бровей и точно такая оттопыренная от сосредоточенности нижняя губа. У самой Дилли подобные занятия всегда вызывали стойкое неприятие, посуда в раковине, пыль на мебели и грязь на полу ждали своего часа неделями. Когда ситуация становилась критической, Дилля, чертыхаясь и нервничая, устраивала субботник.

– Хлопотушка растёт. – Дилля выудила длинные пальцы из коротких волос и подтянула к себе стакан с остатками самогона, понюхала, поморщилась и отодвинула.

– Да, хозяйюшка, – улыбнулась Детта. – Может и зря я на Баранова наговариваю. Знаешь, насмотришься этих ужа-

сов по телевизору и начинаешь в каждом видеть сволочь. Может ему, и правда, просто помощница нужна?

Наблюдавшая за племянницей Дилля заметила, как вздрогнула Ида при упоминании фамилии соседа. На миг девочка замерла и тяжело задышала, потом снова принялась тереть тарелку, как показалось Дилле, с удвоенной силой.

– Ничего не зря! Ты же видела, как она от него отшатнулась, – шепнула Дилля сестре.

– Ида! – окликнула дочь Детта. – Брось ты уже эту тарелку, а то до дырки натрёшь. Подойди сюда.

Ида уложила тарелку на полотенце и с виноватым видом подошла к матери.

– Доченька, скажи, – Детта на секунду замялась, – ты дядю Петю сегодня видела?

– Угу, – кивнула, нахмурившись, Ида.

– А что он тебе сказал, когда вы поравнялись?

– Он... Он... – девочка посмотрела на Диллю, – сказал... Чтоб я... – Ида насупилась и замолчала.

– Ну что? Говори, не бойся.

– Он сказал, чтоб я показала... – Ида быстро наклонилась к уху матери и зашептала. По вытянувшемуся лицу сестры Дилля поняла, что в оценке Баранова они не ошиблись.

– Иди спать, доченька, – мать погладила Иду по плечу, – иди, отдыхай.

Когда дверь за Идой закрылась, Детта дала волю негодованию:

– Я завтра к участковому пойду. Это что же происходит, это как называется, говорить ребёнку такие гадости.

– Известно как... – Дилля пододвинула стакан, поморщилась и махом опрокинула содержимое. Слёзы брызнули из глаз, она икнула и грохнула стакан об стол с той же силой, что и ранее банку сгущёнки. – Что толку? Ну пойдёшь ты к участковому, ну пожалуешься, ещё не факт, что он тебе поверит.

– Но ведь это сигнал, он должен отреагировать. Зачем мне врать?

– Хорошо, допустим, отреагирует он, пойдёт к Баранову, а тот скажет, что врёшь ты всё, наговариваешь. Твоё слово против его.

– Да зачем мне наговаривать?

– А мало ли... Придумает... Скажет, что виды ты на него имела, пристроиться хотела сама и детей своих, в жёны набивалась. Одной тяжко, а? А он отказал, и ты в отместку... Вот точно тебе говорю, именно так он и скажет, я таких козлов навидалась. А он агроном, не последний человек, завидный жених, можно сказать...

– Дилля, что ты говоришь, ты же его видела, кривоногий коротышка, урод лопухий...

– Это да, но это по нашей оценке. И пусть так и есть на самом деле, но может сработать мужская солидарность. В любом случае, дело закончится для него профилактической беседой, не более. И это в лучшем случае.

– А в худшем?

– В худшем опозорит он тебя и дочь твою на всю вашу Ивановскую...

– Как это?..

– А так. Был у меня подобный случай. В студенческие годы ещё. Домогался меня один козёл. Я в техникум ездила на автобусе на пары... и этот... Не знаю, может выследил... Но всегда со мной в одно и то же время в автобусе ехал. Как только я входила, он тут же рядом становился и тереться начинал об меня... Ну ты понимаешь чем...

– А ты? – Одетта замигала.

– Я поначалу, как парализованная, стояла. Ничего ни сказать, ни сделать не могла. Пыталась отойти, а он за мной, подвинется и опять... Народу в автобусе много, вроде как все близко друг к дружке. А однажды смелости набралась, толкнула его и громко так, чтоб все слышали, крикнула: «хватит тереться об меня, извращенец чёртov!».

– А он?

– А он в долгу не остался... Попёр на меня, такое кричать стал, что я из автобуса как оплётанная выскочила. С тех пор в техникум пешком ходила. Так что нет на таких упрасы, Детта. Никто за женскую честь не вступится, потому, как мир заточен под мужиков, и даже самый последний козёл всё равно будет прав... Правее, чем женщина.

– Ну это ты перегибаешь палку. Не все мужики козлы, ну попался один, остальные же не такие. Есть и нормальные.

И их большинство.

– Разочаровалась я в мужских особях, Детта. Да ладно, что говорить... Надо думать, как Ираиду твою спасти. Ведь опасно ей здесь оставаться. Я таких баранов, как этот Баранов знаю, так легко от него не отделаешься.

– Это да... – вздохнула Детта. – Ума не приложу, как быть.

– Давай я её к себе заберу, – выпалила Дилля после минутной паузы.

– Как это?

– А так. Будет у меня жить. В школу ходить. Квартира у меня двухкомнатная, у неё своя комната будет. И тебе с твоими горлопанами всё полегче. И от Баранова её уберёжём.

– Да как же?.. Это же дочь моя?.. Как же я её отдам?

– А ты решай, кому лучше – мне или Баранову. Время у тебя до утра подумать. Утром я рейсовым назад. Одна или с Ираидой – тебе решать.

Глава вторая

Весна пришла в город капризной вздорной девицей, установив погодное непостоянство. Позавчера лил дождь, ботинки чавкали и хлюпали по лужам. А вчера дождя не было, зато сорвался сумасшедший ветер, который трепал и спутывал волосы. Сегодняшний день солнечный, сухой и безветренный. Ида, откинув капюшон куртки, шла домой, щурясь на солнце. День можно было бы назвать замечательным, если бы не двойка по английскому. Скоро конец четверти, а у неё перед двойкой только тройка и всего два урока, чтобы как-то выправить положение. А как его выправить, если нет у неё таланта к языкам. Она и по русскому-то с ошибками пишет... Да что там говорить, учёба даётся нелегко. То ли дело труд. По труду у неё одни пятёрки. Готовит она лучше всех! И шьёт! А всякие физики там, да геометрии... Ну не понимает она ничего в этих науках. Не тянет, как говорит завуч. Спасибо тётке, только её презенты для администрации школы и спасают положение. Осталось недолго, только аттестат получить, и всё.

Ида обогнула забор детского сада и свернула во двор. Ещё из-за угла она услышала знакомое бречание. Витька Глухой, собрав вокруг себя группу ребят, щупал большим пальцем упругие струны. Витька был в «авторитете», он недавно вернулся из армии, и хоть ростом был невысок, на полголо-

вы всего выше Иды, но пользовался среди местной шантрапы заслуженным авторитетом. Во-первых, армия, во-вторых, гитара.

Завидев группу ребят, Ида низко опустила голову и прибавила шаг. Проходя мимо, она мельком бросила взгляд на Витьку. Тот, пригнувшись к гитаре, перебирал струны, прислушивался и подкручивал колки. Рядом с ним на бревне, служащем скамейкой для посиделок, восседала Инка Никитина. Заметив Иду, она придвинулась к Витьке и нарочито громко произнесла:

– Вить, а научишь меня играть?

В ответ Витька лишь ближе пригнул голову к резонаторному отверстию деки и еще раз подкрутил колку.

Поднявшись на четвёртый этаж, Ида подошла к запыленному окну площадки и посмотрела вниз. Сверху ей была видна лишь курчавая Витькина макушка. И рядом рыжая макушка Инки Никитиной. «Прилипла к нему, как банный лист к...» Назвать Витьку задницей даже мысленно не решилась. Не то, что бы он ей нравился, но всё же местный «авторитет». Ида отвернулась, вынула из кармана ключи и пошла к двери.

– Ида, ты что ли? – выскочила в прихожую тётка, запахивая на ходу шёлковый халат с огромным вышитым павлином на груди. – Чего так рано?

– Химичка заболела! Нас отпустили. – Ида присела расшнуровать ботинки и не заметила, как воровато оглянулась

на дверь спальни тётка. Зато заметила мужские коричневые ботинки в углу.

– Ох, а у нас хлеба нет. Ты давай, сходи. – Дилля схватила с полки сумочку. Нервно задёрнула молнию.

– Я же вчера купила и бородинский, и батон, – удивлённо посмотрела на тётку Ида.

– Так то вчера... – Дилля вынула из кошелька сторублёвку. – А сегодня кончился. Я это... Голубям скормила.

– Голубям?

Тётя Дилля не отличалась любовью к животным. Тем более к птицам, тем более к голубям.

Ида заметила на вешалке большую чёрную куртку, фирменную.

– А не надо хлеба, – перехватив взгляд племянницы, затараторила Дилля. – Вот... – схватила с полки разноцветный импортный пакет, протянула. – Отнеси-ка Розе Францевне.

Ида приткнула портфель к шкафу и взяла пакет.

Увесистый пакет распирали деликатесы. В это время в спальне кто-то сдавлено чихнул.

– Ну иди, иди, скажешь – за платье благодарность. – Дилля вытолкала Иду на площадку.

Снова идти мимо компашки не хотелось. Подумают, что специально перед Витькой «рисуюсь».

Но делать нечего. Изобразив на физиономии безразличие, Ида вышла из подъезда.

«Годы летят стрелою...», – напевал Витька, размаши-

сто проходя пятернёй по струнам и отбивая такт ботинком по земле. Голос у Витьки приятный, тёплый, велюровый.

«Скоро и мы с тобою...» – увидев Иду, подхватила Инка, – «из города уйдём». Голос у Инки громкий, ровный и правильный. И этот факт окончательно испортил Иде настроение. Инка занималась музыкой, играла на фортепиано и пела в школьном хоре. Про Иду учитель пения говорил, что ей медведь на ухо наступил.

Проходя мимо, Ида снова покосилась на Витьку, но тот не отрывал взгляд от струн.

«Где-то в лесу дремучем...», – красиво голосила ей вслед Инка, отчего хотелось заткнуть растоптанные медведем уши и бежать со всех ног к Розе Францевне.

Роза Францевна Марголис была лучшей в округе швей. Собственно других и не было. Было ателье, где работали две слабослышащие женщины. Но к ним обращались по мелочам – прострочить наволочку или занавески, за сложными вещами ходили к Розе Францевне. Никто не смел называть Розу Францевну швей, это слово она не переносила, и требовала величать её модисткой. Величали. Было за что. «Недостаток материала рождает оригинальные фасоны», – приговаривала Марголис, раскладывая выкройки на куцых отрезках ткани скупых клиенток.

Обитая толстым слоем утеплённого дерматина, дверь открылась перед Идой почти сразу, как только палец выжал из звонка мелодию «Подмосковных вечеров». Морщинистая

женщина со взбитой паклей волос на голове внимательно рассматривала Иду сквозь стянутую дверной цепочкой щель.

– Я от Одиллии Ивановны, – пролепетала Ида и приподняла пакет. – Тётя просила передать вам благодарность за платье.

– Ах, Диллечка, – всплеснула руками Роза Францевна и захлопнула дверь. Погремев металлической цепочкой, модистка наконец распахнула дверь и, вцепившись двумя руками в пакет, заорала дребезжащим фальцетом:

– Сёмочка, Сёма, иди скорей сюда!

В квартире стоял странный, немного приторный запах. Словно кто-то собрал в один букет ароматы сдобы, чеснока, рыбы, сыра и одеколona «Гвоздика». Ида поморщилась как раз в тот момент, когда из-за стеклянной двери выглянула кучерявая голова парня.

– Ай, яй, яй, – покачала головой Роза Францевна, распахнув зев пакета. – Диллечка... – пробормотала восхищённо и, не оборачиваясь, приказала: – Сёмочка, проводи гостью в гостиную, сейчас будем обедать.

– Нет, нет, я пойду, – попятилась к двери Ида.

– Ни в коем разе, – отодвинув Иду, Роза Францевна накинула на дверь цепочку. – Вы со школы, я это вижу по вашей форме, значит, голодная. Снимайте курточку и боты и приходите, я угощу вас хумусом. Вы когда-нибудь ели хумус? – спросила Роза Францевна и тут же сама ответила. – Нет, вы никогда не ели хумус. Такой хумус, как готовлю я, вы нигде

никогда не могли пробовать. Сёмочка, расставляя тарелки.

Хумус Иде не понравился. Он был похож на гороховое пюре. Внешне и на вкус. Форшмак не понравился тоже. Всегда отличавшаяся хорошим аппетитом Ида с трудом осилила тарелку хумуса и бутерброд с форшмаком. Зато булки с молоком «пошли на ура». Булки были ярко-лимонного цвета, с гладкой глянцевой корочкой и пахли ванилью.

– Боже мой, боже мой, – причитала Роза Францевна, выкладывая на стол банки с икрой. – Красная, чёрная, боже мой, боже мой. Дай бог здоровья твоей тёте, восемь банок. Ты только посмотри, Сёмочка, это же какой-то продуктовый рай.

Сёмочка равнодушно глянул на банки. Куда больше ему нравилось уминать хумус, форшмак и особенно булки с молоком. Закончив трапезу, Сёмочка аккуратно промокнул губы в салфетку и неожиданно предложил.

– Хочешь посмотреть мою коллекцию марок?

Не успела Ида отказаться, как Роза Францевна опередила.

– Да, да, покажи госте марки, а лучше сыграй на скрипочке. Что-нибудь из Паганини.

– Хорошо, – Сёмочка встал, аккуратно придвинул за собой стул и подошёл к Иде. Когда Ида привстала, Сёмочка галантно отодвинул её стул и задвинул его обратно так же аккуратно, как и свой.

Слушать скрипку и рассматривать марки не хотелось, но отказаться было неучтиво, и Ида поплелась за Сёмочкой

в его комнату.

Альбомов с марками было много. Смотреть не пересмотреть. Они сидели рядышком, соприкасаясь бёдрами, альбом лежал у неё на коленях. Он рассказывал про марки, перелистывая страницы и невольно касаясь тыльной стороной ладони её обтянутых бежевыми колготками ног. Ида делала вид, что слушает, кивала головой и очень глубоко вдыхала. Глубокий вдох подтягивал юбку, обнажая ноги еще на миллиметр. Как только рука Сёмочки касалась колена, жар приливал к её голове, а внизу живота начинало свербить. Ей представлялось, что и он чувствует волнение и специально касается её колена. А ещё ей представлялось, что сейчас альбом закончится, и он, прикоснувшись к её колену, повернёт руку, прижмёт ладонь к капрону и поведёт её вверх, под юбку... Сёмочка перевернул корешок альбома и потянулся за следующим.

– А вот здесь у меня очень редкая серия!

– Не надо! – выкрикнула Ида слишком резко. Сёмочка посмотрел на неё удивлённо и немного обиженно

– Не всё сразу, – спохватившись, постаралась выправить положение Ида. – Я так не запомню. Давай ты мне в следующий раз расскажешь.

– А ты придёшь в следующий раз? – В его голосе и карих, слегка прикрытых веками зрачках читалась трогательная надежда. Иде стало жаль этого неуклюжего увальня.

– Конечно, приду. Ты же так и не сыграл мне Паганиста.

– Паганини. – Сёмочка подпрыгнул. – Я сейчас тебе сыграю.

– Да я... – Ида попыталась встать, но Сёмочка положил ей на плечи пухлые руки и прижал к дивану. Это прикосновение вновь пробудило в Иде волнение. Ах, если бы он не отпустил руки, если бы уложил её на диван, если бы...

Она видела перед собой его потемневшие глаза, нависающие пухлые щёки и влажные, лоснящиеся вожделением губы, готовые впиться в неё поцелуем. Её первым поцелуем...

Но Сёмочка выпрямился, прошёл к столу, щёлкнул застёжкой и вытащил из футляра скрипочку. Бережно уложив инструмент на плечо, прижал его край подбородком и, вскинув смычок, аккуратно коснулся струн. Замер.

И вдруг всё всколыхнулось. Взорвалось быстрыми резкими звуками. Это была не мелодия, а брызгающий фонтан нот. Рука Сёмочки выделявала кренделя, смычок летал то вверх, то вниз, издавая скрипы, от которых Иде хотелось заткнуть уши, но она вежливо ждала.

Когда скрипка умолкла, Сёмочка ещё какое-то время стоял в оцепенении.

– А ты можешь сыграть «Годы летят стрелой...»? – нарушила образовавшуюся тишину Ида.

– А что это?

– Песня такая. – Ида попыталась напеть, но исходящие звуки были похожи на мычание.

– Не знаю, нет, наверное.

– Жаль, хорошая песня. Не то что Паганист твой
Сёмочка смотрел на неё непонимающими глазами.

– Ладно. Мне домой пора. – Ида поднялась с дивана.

– Я провожу. – Сёмочка сложил в футляр смычок и скрипку и направился вслед за Идой.

Они шли молча, каждый подыскивая в голове тему для разговора, которая могла быть интересна другому.

– Ты Ремарка читала? – начал всё же Сёмочка.

– Это про Тома Сойера? Не, но я кино видела.

– Ты путаешь с Марком Твенем, – поправил Сёмочка. –
А Хейли?

– Хейли? Это что?

– Артур Хейли, писатель, он написал «Аэропорт».

– Про самолёты, что ли? Не, мне про такое не интересно.

Я про приключения разные люблю.

– Это не про самолёты, – обиделся Сёмочка.

– Всё равно, я читать не особо люблю, а вот кино – это да.

Особенно ужастики. Ты «Челюсти» видел?

– Нет. Это про стоматологов?

– Эх, ты! Темнота! Это про акулу! – хихикнула Ида.

– Про акулу, наверное, интересно. Ты знаешь, что зубы
у акул растут в несколько рядов. От трёх до двадцати на обе-
их челюстях, что в сумме составляет от двухсот до пятнадца-
ти тысяч зубов.

– Ничего себе! – всплеснула руками Ида, прижимая ладо-
шки к румяным щекам.

– Да. Правда зубы у них не имеют корней, поэтому происходит постоянная смена.

– Вот нам бы так! Скажи?

– Ага.

Увлечённые разговором они вошли во двор. На бревне всё так же сидела молодёжь, слушая и подпевая Витьке Глухому. Увидев Иду с Сёмочкой, Инка тут же положила голову Витьке на плечо.

– Те же на манеже, – процедила сквозь зубы Ида и схватила Сёмочку под ручку. Сёмочка вздрогнул и покрылся красными пятнами.

– Целых пятнадцать тысяч! – громогласно восхитилась Ида, как только они поравнялись с бревном. – И зачем акуле столько зубов?

– Так у них только передние рабочие, остальные резервные. – Смущённо проговорил Сёмочка. – Если акула теряет рабочий зуб, ему на смену выдвигается новый из ближнего ряда.

Музыка стихла и все повернули головы в сторону проходящей мимо парочки. На этот раз поднял голову и Витька. Несколько секунд он внимательно рассматривал Сёмочку, потом снова опустил голову и ударил по струнам. У двери подъезда Ида отпустила руку Сёмочки.

– Дальше я сама, – покосилась через плечо Сёмочки на компашку.

«Тёплое место, на улице ждут отпечатков наших ног», –

затянул Витька, чеканя слова так же, как это делал Цой. В этот момент он был прекрасен. И только нагло ухмыляющаяся физиономия Инки у него на плече портила впечатление. Её превосходство было очевидно. Всем и даже Иде.

– Ну что, до завтра? – чересчур громко сказала Ида и, приподнявшись на цыпочки, чмокнула Сёмочку в пухлую щёку.

«На зажатый... За нежатый», – сбился Витька, и нервно сплюнул сквозь щербину зубов.

– Не нажатый... – подсказал кто-то, но Ида уже этого не слышала. Она бежала по ступенькам вверх, слыша только стук собственных ботинок о кафель. Ботинок и сердца.

Глава третья

– Ты что, сдурела? – Дилля вдавила костяшки пальцев в стол. Красиво вычерченные брови зависли, подпирая сморщенный в негодовании лоб. – Какое замужество? Тебе семнадцать!

– Восемнадцать, – уточнила Ида.

– Неделю назад исполнилось! – Брови опустились, но посиневшие от давления костяшки продолжали торчать укором в сторону Иды. – Тебе образование надо получить.

– Зачем оно мне? – пролепетала Ида, напуганная тёткиной реакцией. – Науки мне в школе надоели. Не хочу я больше.

– А что ты хочешь? Всю жизнь в халате у плиты простоять, по полу с тряпкой ползать, да мужнины портки стирать?

– Да.

– Что да?! Что да, Ида?! – Дилля расслабила пальцы. – Хотя чего я удивляюсь? – опустилась на стул. – Яблоко от яблони... Мать твоя тоже в семнадцать замуж выскочила. Ни образования, ни профессии. Вот и расхлёбывает теперь. Ты тоже так хочешь? – Дилля пододвинулась и взяла Иду за руку. – Ну зачем тебе это, Идочка? Сама подумай. У тебя вся жизнь впереди, успеешь ещё замужней бабой стать. Ну что же ты сразу в рабство себя... Я понимаю, Сёма – партия для тебя очень хорошая, мы с Розой Францевной такой ва-

риант обсуждали, но торопиться-то зачем? Ты же не нагулялась ещё...

– Я беременна.

– Что?! – Брови вернулись к исходной точке разговора. – Вот уж чего я от Сёмочки не ожидала... Сколько?

– Точно не знаю. Задержка две недели.

– Две недели – не показатель. Может ещё сорвёшь, тебе надо пресс покачать.

– Не буду я ничего качать. Я хочу ребёнка... И мужа... Я семью хочу. Мы уже всё решили.

– Ой-ё! – Дилля вдавила пальцы в аккуратно залакированную причёску. В возникшей паузе громко щёлкала секундная стрелка в настенных часах. Дилля посмотрела на часы. – Так, ладно. Что ж делать. Как говорится – чему быть, того не миновать. Не всё так плохо. Сёма хороший парень и...

– Я за Витьку замуж собираюсь.

– За какого ещё Витьку? – взревела Дилля.

– Глухого!

– Что?! – вопль тётки оглушил Иду. – Глухого?! А чего не слепого или безногого! Вон у церкви много инвалидов крутится, чего же ты...

– Глухой – это фамилия!

– Фамилия! А Марголис тебя чем не устроила? Красивая, благородная, старинная еврейская фамилия. Хочешь всю жизнь Глухой ходить? Это же надо выбрать себе...

– Я на своей фамилии останусь. Я уже решила. Останусь

Рябовой.

– А дети? Дети Глухие будут?

– Не знаю, мы не решили ещё! Может тоже Рябовы.

– Ещё не решили? Какая радостная новость. Заделать успели, а с фамилией не определились. – Дилля выудила из причёски пальцы и застучала острым маникюром по столу. – Глухой! Подумать только! Да откуда он взялся?.. Поймай, поймай, не тот ли это Витька, что бренчит тут под окнами постоянно.

– Ага, он.

Дилля подобрала со стола пачку сигарет и нервно стукнула ею о ладонь. Из отверстия выскочила длинная узкая сигарета.

– И когда только успели? Вы же вроде с Сёмой всё время. – Дилля щёлкнула зажигалкой, но не прикурила. Ида молчала. – Врала, значит, что с Сёмой в кино?..

– Не врала. Мы действительно с ним в кино ходили. И гуляли в парке. Он про Витьку не знает.

– Ах, ты ж зараза, – Дилля поболтала сигарету во рту и наконец прикурила. Было непонятно, к кому относилась последняя реплика. Ида решила, что к сигарете.

– Сёма, конечно, хороший парень, очень хороший, но он такой...

– Какой такой?

– Ни рыба ни мясо, ходит за мной, как телок на верёвочке, даже поцеловать боится. А Витька он другой.

– Угу, – Дилля прищурилась, выпуская дымовую струйку. – Кобель. Как же он подлезть-то к тебе сумел, если ты с Сёмой всё время?

– Так Сёма меня до подъезда проводит, а Витька уже внутри на площадке поджидает. Как схватит сзади, как зажмёт – не вырвешься, косточки трещат. И целует так, словно выпить всю хочет, до самого дна. И не отпускает. Так мы с ним и целовались часами в подъезде.

– Видимо не только целовались, раз задержка случилась.

– Ну да, – Ида опустила голову. Рассказывать, как отдавалась Витьке на тёткиной кровати, пока та на работе – не стала.

– Ох-хо, знаю я таких, как Витька твой. Ничего хорошего тебя с ним не ждёт. Только и умеют, что трахать. Детей наплодит, и будешь, как мамаша твоя, тоже с животом замуж выходила, а он на пьянки, да гулянки. Хлебнёшь с таким. – Дилля загасила сигарету в маленькой пепельнице. – Значит, так. Витьке этому дашь отворот поворот, поняла?

– Как же? А беременность? Я аборт делать не буду.

– И не надо. Опасно это в твоём возрасте.

– Так что ж мне без мужа рожать?

– Сделаем так. Про беременность свою никому, поняла? Хорошо срок маленький. Замуж за Семёна пойдёшь, я в Загсе договорюсь, отнесу пару пакетов кому нужно, распишут вас за неделю.

– Как же так? Это же не его ребёнок?

– Об этом никто не узнает. Витьке скажешь, что ребёнок от Семёна, что у вас с ним давно всё было и по срокам выходит. Как узнает, так сам от тебя сбежит, вот увидишь, я этот контингент знаю. За Сёму замуж выйдешь, через месяц скажешь, что беременна, а ребёнка можно и недоношенного, ну типа того, родить. Мужики в этих бабских делах всё равно не соображают.

– Но это ведь не честно?

– Не честно?! Ты глянь-ка, она о чести вспомнила. – Дилля жадно затянулась. – В общем, я сейчас к Розе Францевне пойду, с ней мы быстро сговоримся. Скажу, что любовь промеж вас с Семёном случилась, да увести могут, в общем, придумая, что сказать. Глядишь, к вечеру Сёма придёт просить у тебя руки и сердца.

– Но я не хочу за Сёму, мне Витя нравится.

– Цыц! – стукнула Дилля кулаком по столу. – Забудь про Витьку своего, за Сёму выйдешь, поняла? Сама подумай, он не абы кто? Интеллигент, в филармонии работает. А Витьки твой что? Дрынди-брынди балалайка. Нищеврод.

– Он строитель.

– Это он после стройбата строителем стал? Что он строит? Целыми днями во дворе ошивается. На что жить собрались? На меня в этом случае можешь не рассчитывать. Я своего дармоеда прогнала не для того, чтобы твоего на шею повесить. А вот, если за Сёмочку выйдешь...

– А что, в филармонии много платят? – ехидно спроси-

ла Ида.

– Хм, больших денег в филармонии может и не заработаешь, но это как посмотреть. Роза говорила, что ему уже гастроли в Италии предлагают. Представь, Сёмочка будет в зарубежные поездки ездить. Привозить импортные шмотки и вообще. Может и тебя с собой брать. Мир посмотришь.

– Нужен мне этот мир. Что я там не видела.

– Не будь душой. Я всё устрою. И помогать вам буду. Розины хоромы разменяем. Отдельную вам квартиру сделаем. Будете жить, как сыр в масле кататься. Но только, если ты меня слушаешь. А ты слушаешь. Пока я за тебя ответственность несу перед матерью твоей.

– Матери всё равно.

– А мне нет. И не спорь. За Сёму выйдешь, поняла меня?

– Угу.

Кольцо не лезло. Не лезло и всё тут. Застряло на средней фаланге пальца – ни туда, ни сюда.

– Плохая примета, – не упустила случая съехидничать Инка Никитина.

Ида сцепила зубы и с силой надавила на кольцо. От усердия лицо её перекосило, а губы изогнулись в поникшую запятую. Именно этот момент и успел запечатлеть на память фотограф Мишка Крутых.

– Палец не сломай, – усмехнулся Витька, и кольцо продвинулось.

– Объявляю вас мужем и женой, – выдохнула работница Загса, женщина бальзаковских лет, с грустными, много по-
видавшими на своём посту, глазами.

Интеллигенты и аристократы, бандитки и проститутки, фрики-акционисты, стареющие развратники и трогательные циники, святые и не очень, любители джина с тоником и ку-
линары-экзорцисты – никого из них на свадьбе Иды не было. Впрочем, что касается стареющих развратников и не очень святых, таковые возможно, а то и наверняка, среди пригла-
шённых были, но умело скрывали свою тёмную сторону на-
туры. Во всяком случае, никто из присутствовавших со сто-
роны жениха родственников своего отношения к его выбо-
ру не высказывал. Только натрескавшийся в зюзю водки со-
житель свекрови Толик, косясь на живот невесты, поджимал
губы и понимающе кивал.

Застолье по случаю бракосочетания устроили в доме све-
крови. Ветхое жилище с барского плеча Музы Львовны было
передано молодоженам для совместного проживания.

Муза Львовна душевной широтой не отличалась, а невиданная щедрость была обусловлена личной заинтересо-
ванностью. Природная предприимчивость позволяла Музе
Львовне любую, даже негативную ситуацию переворачивать
в выгодную для себя. Раз уж домишко переходит в пользо-
вание сыну с невесткой, то извини, Толик, подвинься, а при-
дётся тебе всё-таки делить свою квартиру с любимой. Может
от того и надрался Толик – что хочешь не хочешь, а деваться

некуда.

Подарки складывали в пустующий угол. Настольный светильник, одеяло, комплект постельного белья и другая домашняя утварь образовали горку размером со свадебный стол. Денег никто дарить не стал. Деньги они как бы и самим нужны, они лишними не бывают, а какая-нибудь «ненужность» в доме всегда найдётся. Такая, что и самому без надобности и другому отдать не жаль.

На самой вершине образовавшейся горки красовалась бронзовая статуэтка пузатого китайского божка. Живот китайца, по словам дарительницы Ики Никитиной служил залогом будущего финансового благополучия, а то и процветания молодой семьи. Для этого надо лишь всего ничего – потерять божку живот. В довесок к китайцу Инка преподнесла в дар грустную песню «Чужая свадьба». Аккомпанировать, естественно, попросила Витьку. Пока Витька бил аккорды, а Инка выводила рулады, Ида рассматривала уже натёртый кем-то до блеска живот китайчонка, сравнивая его со своим собственным. Перевес в размерах был всё-таки в пользу китайца. Эх, вот бы и правда, его живот помог её животу, а то ведь без тёткиной помощи трудноато им придётся. А рассчитывать на то, что Дилля смиростивится и поддержит Иду не приходилось. Она даже на свадьбу отказалась прийти. Мать тоже на свадьбу не приехала. Сказалась занятой – дети и подворье не на кого бросить. Обиду Ида проглотила. Охочие до гулянок гости засиделись до полуночи. Послед-

ним под благовидным предлогом первой брачной ночи из-за стола Муза Львовна выволокла Толика, который плакал то ли с горя, то ли с радости.

Наконец, убрав пустую грязную посуду и, сдвинув к стене лавки, молодые остались одни.

– Ну что, переходим к первой брачной ночи?

– Боязно мне!

– Я осторожненько, чего ты. Если за приплод боишься, то давай сзади.

Слово «приплод» Иде не понравилось, резануло, но не ссориться же с мужем в первую законную ночь.

– Как-то не по-человечески это!

– Да прям!

Витька властно развернул её и дёрнул молнию на спине. Платье благодарно разъехалось, обнажив мясистые складки под лопатками. Витька прищипнул пальцами складку:

– Раздобрела ты, мать.

– Это кожа, – смутилась Ида, которая и до беременности худышкой не была, а за последние месяцы набрала неприлично много.

– Кожа?! – рассмеялся Витька и подтолкнул её к стене. – Давай, прогнись малость, а то у меня уже колом стоит.

– Нет, – отпрянула Ида от настырных рук мужа. – Нелзя так.

– Почему? – грозно приподнял Витька одну бровь.

– Боюсь я.

– Да чего ты всё боишься?

– Его, – Ида кивнула на перегородку.

Кусок гипсокартона разделял комнату на две зоны. Основная часть, где проводилось застолье, считалась гостиной, ниша за перегородкой – интимной территорией, альковым.

– А чего его бояться. Ему без разницы, чем мы тут занимаемся. Он своё уже оттрахал.

– Ему может и без разницы, но не хорошо это.

– Блин, – Витька схватил Иду за руку и потащил к перегородке. Подтолкнул к узкому дверному проёму. Приоткрыл. – Ну?! Смотри! Это же просто труп.

– Господи! – Ида отшатнулась и закрыла лицо руками. – Не буду! Говорят, покойники после смерти всё слышат.

– Ну, пусть послушает напоследок. Завтра закопаем и концы в воду.

Деда, скончавшегося накануне свадьбы, закопали на следующий день на старом кладбище. Завернули в допотопный, истёртый до марли ковёр и вывезли на Толиковом «Запоре». С трудом затолкали худого и длинного, успевшего заоченеть деда в салон куцей машинки. Всё говорило о том, что уходить на тот свет дед не собирался. Более того, старался всячески заявить о себе, выпрастывая из домотканого кокона то голову, то ноги. Когда сверток всё-таки запихнули, выяснилось, что дед, в прямом смысле, откинул сандалии. Рас-терял по дороге от дома до машины. Сандалии искали дол-

го, хоронить деда без обуви Муза Львовна отказывалась. Без гроба ладно уж, но без обуви совсем не по-людски. Сандалии нашлись в разных местах. Один выковыряли из-под кровати, той самой, где дед и помер, другой нашли под машиной. Налезать на ноги сандалии не хотели.

– Ладно, пусть босиком едет. Там натяните! – распорядилась Муза Львовна.

– А если не налезут? – поинтересовался Толик.

– С ним положите. – Муза Львовна перекрестила машину и повернулась к Иде. – Я карточку его нашла. Старую. Он там, правда, с матушкой своей, ну да другой нет. Пойдём, поставим ему свечку.

– Зачем?

– Положено так. Вроде как, осветить путь покойному.

– Ааа, – поджала губы Ида, ничего о православных традициях до этого не слышавшая. Откуда? Привить интерес было некому. Тетя Дилля в Бога не верила, религию называла «опиумом для народа» и мракобесием, доверяла только науке и традиционной медицине. Ида религией тоже не увлекалась. Молитв не знала, крест не носила. И откуда ему взяться. Мать Иду не крестила, некогда было, а тётка тем более.

– И стакан с водкой поставим ему, любил он её, через неё видать и помер.

Дед Григорий, седьмая вода на киселе, прибыл за день до свадьбы, и прямо с порога заявил, что у него «трубы горят» так как ехал он долго, а проводница в поезде пить ме-

шала, грозила высадить на ближайшей станции и даже вызвать дорожную милицию. Дед Гриша, хоть и не робкого десятка, но портить свадьбу молодым хлопотами по вызову его из кутузки не хотел. Потому терпел всю дорогу. О чём по приезду за ужином горестно жалился Толику, безошибочно вычислив в нём родственную душу. К ночи накачался Григорий Алексеевич изрядно, и со словами «теперь и умереть не жаль» уснул прямо за приготовленным к свадебному сабантую столу. Почти мёртвого деда отволокли за перегородку и уложили спать на тахту в «чём был», а именно: в замусоленной тельняшке, брюках галифе и сандалиях. Там же его и обнаружили наутро мёртвым, только не «почти», а «уже». Какое-то время его тормошили, хлестали по щекам, заставляли дышать на зеркало, но тщетно, дед признаков жизни не подавал.

– Вот это сюрприз! – Муза Львовна сокрушённо прижала ладонь ко лбу. – Чёртов дед!

По-хорошему свадьбу надо было отменять. По-правильному. Покойник в доме. Да и не такая уж дальняя, как выяснилось родня. Родной брат Музиного отца. Отменить, похоронить и выдержать траур. А какой траур, когда живот у Иды на нос лезет. Вот и порешили. Деда никто не видел, никто о нём не слышал, никто толком не знает. Ну помер и помер, не менять же из-за него свои планы. Лежит и пусть лежит, пока свадьба пройдёт. Никто его там не увидит, а если и увидит невзначай, то всегда можно сказать, что не дождался дед

застолья, не вытерпел, упился до потери сознания на радостях за молодых и уснул. «Вечным сном» можно не добавлять. И вроде правда, почти так и есть.

Всё прошло как по маслу. Заморозили бутылки с водой, обложили ими деда, никто и не заметил приторного запаха тлена в гуще ароматов цыплят табака и квашеной капустой.

Высунувшаяся голова деда Гриши тряслась и подпрыгивала на ухабах, Толик нещадно матерился, Витька, заткнув уши наушниками, слушал Гарика Сукачёва. Через двадцать минут, потев и задыхаясь от пыли, они прибыли на место.

День занимался жаркий. И предыдущий был такой же. И ещё пятнадцать перед ним такие же. Жаркие и сухие.

Пока Толик с Витькой долбили лопатой пересохшую кладбищенскую почву, укладывали завёрнутого в ковёр деда в лунку, засыпали и притаптывали твёрдые комья земли, Ида с Музой сооружали мемориальный комплекс из дедова фото, свечки и стакана водки с ломтиком хлеба.

То, что произошло дальше, по утверждению Музы было ничем иным как проклятием. А началось всё с того, что Ида почувствовала тяжесть внизу живота. К моменту, когда вернулись Витька и Толик, Ида кричала и корчилась от боли.

– Рожаю... – орала согнувшись в три погибели Ида, просовываясь в «Запорожец». – Рожаю, помогите!

– Босого... – орала Муза, обнаружив сандалии деда на резиновом коврикe автомобиля, – босого похоронили!

– Заткнитесь... – орал Толик, вытирая потный лоб и выжимая сцепление. – Оглохнуть можно!

И только Витька был спокоен как удав. Не вынимая из ушей наушников, он прошёл в кухню, «опрокинул» 50 грамм водки, зажевал солёным огурцом и, хлопнув дверью, вышел из дома. Воздушная волна от хлопка пронеслась по коридору и устремилась к форточке, свалив по пути свечку. Пламя лизнуло фото и стало разгораться.

Когда битком набитый «Запорожец», выжимая допустимый скоростной предел, выехал со двора, огонь от упавшей свечки доел деда с бабкой и перекинулся на стопку квитанций.

Через час Ида благополучно разрешилась от бремени. К моменту возвращения Музы, Толика и Витьки от дома осталось лишь чёрное пепелище. Среди обугленных головешек Муза нашла бронзовую статуэтку китайского божка с серым от сажи пузом.

Глава четвёртая

Вот уже несколько месяцев настроение у неё оберегательно-счастливое.

Филька сладко посапывает в своей кроватке. Витюша так же сладко похрапывает в своей... В их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.